

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА В РИМЕ

Вячеслав Иванов

Исследования и материалы

Ответственные редакторы
К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин

Вып. 1

Издательство Пушкинского Дома
Санкт-Петербург, 2010

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И «ГАБИМА»: ПРИВЕТ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

В истории создания театра «Габима» и возрождения языка иврит (древнееврейского) в качестве живого языка повседневного общения и культуры имя Вячеслава Иванова является особо почетным и весомым. Поэт, с трепетом относившийся к священному языку Библии, участвовавший в переводе с иврита на русский язык творений еврейского национального поэта Хаима-Нахмана Бялика, не мог не приветствовать самоотверженной деятельности молодых основателей «Габимы». ¹ Надо отметить, что возрождение иврита приветствовалось русской культурной общественностью, особенно в первые месяцы Февральской, а позднее и Октябрьской революции. И. А. Бунин и Ф. И. Шаляпин участвовали в еврейском собрании, организованном в апреле 1918 года в Народном Доме в Петрограде в поддержку сионистского движения. Шаляпин спел перед собравшимися еврейский национальный гимн «Ха-тиква» на иврите.

Вяч. Иванов справедливо видел в возрождении к жизни древнееврейского языка с его библейскими корнями важнейшее условие возрождения еврейского народа. Пример борьбы за иврит был особенно важен для Вяч. Иванова на фоне той атаки на русский язык и его историческую традицию, которую предприняли коммунисты, начав свою реформу 1918 года («Наш язык»; IV, 675–680).

Широко известна роль Вяч. Иванова в той борьбе за сохранение театра «Габима» и его права играть на языке иврит. Она разразилась в Москве в 1920–1922 годах, когда Евсекция ЦК РКП(б), руководимая С. Диманштейном (его поддержали только что вступившие в партию бывшие руководители «Бунда» М. Литваков и Э. Фрумкина), яростно обрушилась на «Габиму» как на часть «буржуазного» и «клерикального» сионистского движения. «Евсеки» считали только идиш языком еврейских пролетарских масс и обвиняли Наркомпрос, субсидировавший «Габиму», в культивировании языка еврейской буржуазии, которую поддерживает английский империализм, окопавшийся в Палестине!

Вяч. Иванов принял активное участие в беспрецедентном диспуте, состоявшемся на заседании Центротeatра 16 февраля 1920 го-

¹ См. об этом, в особенности, богатую по материалам и наблюдениям работу Р. Тименчика и З. Копельман «Вячеслав Иванов и поэзия Х. Н. Бялика» (НАО. 1996. № 14. С. 102–115).

да, неоднократно выступая в защиту «Габимы» и иврита. ² В конце концов, обращение к властям, подписанное, наряду с прочими, К. С. Станиславским, В. И. Немировичем-Данченко, Ф. К. Сологубом, А. Л. Волынским и В. И. Ивановым, привело к тому, что «Габиму» на время оставили в покое. «Евсекция» периодически возобновляла свои атаки на театр, пока в 1927 году он не покинул Советскую Россию навсегда. Война же против иврита как языка обихода и культуры была гораздо более жестока и целеустремленна. Его преподавание и использование в печати были полностью запрещены уже в 1923–1924 годах, а тех, кто занимался распространением иврита, высылали в Сибирь и Среднюю Азию или же за пределы СССР; позднее их подвергали тюремному заключению и расстрелу.

Сам Вяч. Иванов также был принужден покинуть Россию — летом 1924 года он уезжает в Италию. То, что борьба за «Габиму» и иврит не были случайной главой в биографии поэта, видно из того, что 15 июня 1924 года, перед своим отъездом из родной страны он посмотрел в «Габиме» представление пьесы Ан-ского «Га-дибук» на древнееврейском языке. В книге отзывов «Габимы» он оставил по этому поводу следующую запись:

«Под мощным и жутким впечатлением „Га-дibuка“ пишу эти несколько слов на память художникам „Габимы“, чтобы выразить все свое восхищение перед художественной подлинностью, выдержанностью и внутренней силой этого поразительного создания, в незабываемых образах воплощающего душу еврейства.

...И рад, что ныне не гонима
Необычайная Габима!

Старый друг и доброжелатель
Вячеслав Иванов
15 июня 1924 года».³

Многолетняя дружба с Д. С. и Е. Д. Шорами ⁴ поддерживала ев-

² Стенограмма обсуждения театра «Габима» в Центротeatре 16 февраля 1920 года и запись Вяч. Иванова в книге отзывов театра напечатаны в кн.: Русские сезоны Театра Габима. М., 1999. С. 201–211.

³ Там же. С. 114, примеч. 26.

⁴ Давид Соломонович Шор (1867–1942) — выдающийся пианист, музыкальный и общественный деятель. Основатель и участник известного в конце XIX и начале XX века камерного ансамбля «Московское трио». Руководитель Бетховенской студии в Москве. Один из руководителей московской еврейской общины, активный участник сионистского движения. С 1927 года жил в Тель-Авиве; руководил музыкальными организациями

рейскую, а позднее и палестинскую валентности духовного мира поэта на протяжении двадцатых и тридцатых годов двадцатого века. И в общении с Вяч. Ивановым, и с другими друзьями и знакомыми Е. Д. Шор мог вспомнить о «Габиме», а его корреспонденты обращались к нему с вопросами о театре. Так, его многолетняя корреспондентка Мария Синьорелли, итальянская театральная художница и скульптор, дочь другой приятельницы Е. Д. Шора Ольги Ивановны Ресневич-Синьорелли, просила в письме к нему от 10 июня 1937 года передать «большой привет актрисе Ровиной», которую неизменно вспоминала «с большим чувством».⁵

После начала Второй мировой войны в 1939 году связи Е. Д. Шора, жившего в подмандатной английской Палестине, с Вяч. Ивановым и другими друзьями в фашистской Италии прервались. Вяч. Иванов провел последующие годы в Риме, где на его долю выпали лишения, общие для всех, кто оказался в военной обстановке: бомбежки, артобстрелы, страх полного уничтожения немцами Рима, в особенности после того, как Италия вышла в 1943 году из войны против союзников и объявила войну Германии. Рим был после этого оккупирован немцами, которые покинули его 5 июня 1944 года. На протяжении всего 1944 года Вячеслав Иванов вел поэтический «Римский дневник», в котором впечатляюще и эмоционально отзывался на трагические события войны, в особенности предшествовавшие уходу немцев (см. стихотворение от 27 октября). Последние месяцы их пребывания в Риме, ознаменовавшиеся массовыми расстрелами, напомнили поэту осады Вечного города полчищами готов под предводительством Аларика и гуннов Атиллы. Освобождение Рима союзниками ощущалось Вяч. Ивановым как новое великое

Палестины, основал консерваторию в Холоне. Евсей (Иехошуа) Давидович Шор (1891–1974) — сын Д. С. Шора; первоначально изучал математику и архитектуру в Московском ун-те; работал в Бетховенской студии, руководимой Д. С. Шором. С 1920 по 1922 год был одним из ведущих сотрудников Российской Академии художественных наук (РАХН), где работал непосредственно под началом В. В. Кандинского. С 1922 по 1934 год жил в Германии; сначала учился во Фрейбургском ун-те, затем активно переводил русских религиозных философов (В. И. Иванов, Н. А. Бердяев) на немецкий язык. В 1934 году уехал в Италию, с 1935 года — в Палестине, где занимался музыкально-педагогической деятельностью и сотрудничал в периодической печати. См. подробнее: Сегал Д. Вячеслав Иванов и семья Шор // *Un maître de sagesse*, 1994. P. 331–352.

⁵ Архив семьи Шор в Национальной и Университетской библиотеке в Иерусалиме. Агс. 4 о 1521. Папка 21. Мария Синьорелли (1908–1992) в тридцатые годы занималась кукольной скульптурой. Е. Д. Шор активно интересовался этой работой. О. И. Ресневич-Синьорелли (1883–1973) — переводчица с русского языка на итальянский, автор книги об актрисе Элеоноре Дузе. Была дружна с В. И. Ивановым и Е. Д. Шором.

переселение народов, когда в древний город явились пришельцы из самых экзотических краев (см. «Римский дневник» от 28 июня: «Вечный город! Снова танки...»).

Месяцы, протекавшие от освобождения Рима до окончательного завершения войны в Италии 9 мая 1945 года, были временем тревожным, поскольку немецкие войска, оставшиеся в Италии, лишь с большим сопротивлением уступали позиции союзникам, а фанатичные сторонники Муссолини, сгруппировавшиеся на севере Италии в фашистской «социальной республике», не прекращали своих зверств. В то же время многие боялись, что партизаны с оружием в руках утвердят в Италии новую коммунистическую власть, основанную на насилии и терроре.

В этой, и без того весьма сложной обстановке совсем фантастическим должно было показаться появление в Италии — помимо черных солдат американской армии и говорящих по-арабски частей французской армии — говоривших на живом древнееврейском языке солдат и офицеров отдельной боевой части английской армии (The Jewish Brigade, הצבא היהודי, Еврейская бригада), выступавшей под еврейским бело-голубым флагом со щитом Давида наряду с флагом Великобритании и состоявшей из записавшихся в английскую армию добровольцев из еврейского населения подмандатной Палестины.

Добровольческие еврейские части начали создаваться в Палестине еще в 1941 году, когда возможность военных действий открылась в связи с активностью немецкого африканского корпуса и итальянских войск в Северной Африке, нападением итальянской авиации на Тель-Авив и широкомасштабными действиями немцев и итальянцев на Балканах, в Греции и Эгейском море, а затем операциями войск коллаборационистского правительства Виши во французских протекторатах Ливане и Сирии. Еврейское население Палестины с самого начала этих событий выразило желание создать собственные вооруженные силы для самообороны, чего не особенно желали английские власти. Отдельные саперные роты в Египте, участие еврейских отрядов в разведывательных вылазках в Сирии и Ливане — все это были уступки, на которые англичане шли с большой неохотой и под давлением обстоятельств на протяжении 1942 и 1943 годов. В конце концов, несмотря на сопротивление военных и политических советников после высадки союзников в Нормандии в июле 1944 года Черчилль принял решение о том, что еврейские добровольцы из Палестины получат возможность образоваться, под командованием английских и еврейских офицеров, отдельную боевую бригаду для участия в итальянской кампании.

Основные части этого формирования были развернуты против немецких и итальянско-фашистских сил в долине реки По и рай-

оне Венето в северной Италии. Для солдат и офицеров Еврейской бригады появление в Италии, а особенно в Риме, куда иногда приходилось приезжать по делам снабжения и администрации, носило поистине символический характер: через почти две тысячи лет после того, как иудейские пленники прошли в цепях через Рим в триумфальном марше Тита, ивритские солдаты, говорившие на том же языке, что и их далекие предки, прибыли туда снова — на этот раз как победители.

Реальное участие Еврейской бригады в боях против нацистского врага было ограниченным. Война уже приближалась к концу. Но для еврейского населения Палестины эти воинские части были крайне важны в двух планах: во-первых, там формировалось реальное обученное и дисциплинированное ядро (особенно офицерское) будущей Армии Оборона Израиля, во-вторых, солдаты Еврейской бригады, одетые в форму союзнической армии, образовали костяк организации, которая занялась спасением уцелевших еврейских узников концлагерей и беженцев и их скорейшей переправкой в Эрец-Исраэль. Последняя была, конечно, нелегальной в условиях тогдашнего английского запрета на еврейскую иммиграцию в Палестину и производилась, в основном, через Италию при активной поддержке тех, кто сочувствовал сионизму.

Когда Еврейская бригада обосновалась в Италии, там началась и культурно-просветительная работа, направленная как на контингент самой бригады, так, позднее, и на еврейских беженцев и будущих иммигрантов. Частично она велась силами самих бойцов, а частично — преодолевая сопротивление английских властей Палестины — силами артистов, певцов и музыкантов из Эрец-Исраэль.

Так смогла приехать в бригаду Хана Ровина, живая вестница того, что тогда происходило в жизни еврейского населения Палестины. Визит прославленной артистки театра «Габима» вызвал большое воодушевление среди бойцов Еврейской бригады. «Габима» олицетворяла собой возрождение страны, народа Израиля и его древнего языка. Приезд Ровиной означал утверждение того факта, что родина этих солдат может теперь действовать как суверенная единица со своей культурой и своим языком, в почти государственных рамках.

Для нашей темы существенно то, что, приехав в Италию, Хана Ровина непременно захотела восстановить и историческую связь, утерянную временно после отъезда из России, с процессом возрождения иврита как языка современной культуры и, прежде всего, театра. Ей непременно нужно было отыскать в Италии того, кто помнил о раннем этапе борьбы за иврит в России, того, кто беззаветно выступал в его защиту, — Вяч. Иванова. Для Е. Д. Шора встреча Ханы Ровиной с Вяч. Ивановым была событием чрезвычайной важности.

Это была возможность возобновить дружеские связи, прерванные войной, возможность вернуться к «катакомбной работе», как называл Шор свою деятельность по распространению идей русских религиозных философов, и, в частности, Вяч. Иванова, на Западе. Видимо, сам Е. Д. Шор и написал заметку о посещении Ханой Ровиной Вяч. Иванова, которая была помещена в газете «Давар», центральном органе Всеобщей федерации ивритских трудящихся в Эрец-Исраэль (Гистадрут), от 28 апреля 1945 года. Заметка, подписанная псевдонимом «ма'азин» («слушатель»), так и озаглавлена «Встреча Х. Ровиной и В. Иванова». Вырезка с этой заметкой помещена в папке 76 архива семьи Шор в Национальной и университетской библиотеке в Иерусалиме. Е. Д. Шор был к тому времени более или менее постоянным автором «Давара», где он печатал статьи и заметки по вопросам культуры, в частности, связанные с Россией и Советским Союзом. Поэтому вполне правдоподобно, особенно принимая во внимание некоторые моменты содержания заметки, что именно он был ее автором. Так или иначе, она была достаточно важна для него, чтобы он захотел вырезать и сохранить ее.

Сама заметка, и особенно ее язык, ставят перед современным читателем и исследователем интересные проблемы. Если взять произвольные отрывки из соответствующих газет того времени на русском или любом другом европейском языке и сравнить их с подобными текстами сегодняшнего дня, то можно с большой вероятностью констатировать, что для современного интеллигентного читателя не будет почти никакой разницы — помимо самих реалий и исторических обстоятельств — между сегодняшним языком и языком, принадлежащим прошлому, на 60 лет отстоящему от нашего времени. Совершенно иначе обстоит дело с языком иврит. Для современного читателя текст из газеты «Давар» 1945 года воспринимается в языковом отношении как в высшей степени архаический, устарелый. Причем эта архаичность вовсе не означает, что текст 1945 года больше похож на, так сказать, «древнееврейские» тексты, то есть взятые из Библии или других древних текстов. Скорее — наоборот. В современном литературном иврите гораздо сильнее ощущается его древнее библейское прошлое — наверное, потому что язык через несколько поколений уже успел его освоить и интериоризовать. В частности, в современном языке гораздо больший процент слов с чисто ивритскими корнями, для которых в 1945 году еще не было найдено должных эквивалентов. Так, автор заметки не нашел эквивалента для русского слова «жестикуляция» и передал его неуклюжим «ивритским» «жестикуляциот». В современном иврите это слово вполне адекватно передается словом תנועה («тнуот») — «жесты». Понятно, что в нашем русском переводе заметки эта архаичность осталась, в основном, за пределами текста. Неко-

торые уступки оригиналу все же были сделаны: для перевода двух слов — ивритского אָרֶץ («эрец») в значении «Эрец-Исраэль» и ивритского מִשְׁכָּן («мешек») в значении «кибуц» — были избраны не эти точные русские эквиваленты, а соответствующие русские слова с общим, генерическим значением «страна» и «хозяйство». Употребление этих двух ивритских слов (наряду с другими) отличали иврит сионистского движения от нового «древнееврейского» языка, и мы решили сохранить эту особенность в русском переводе. Вот перевод этой заметки.

Слушатель

Встреча Х. Ровиной и В. Иванова

В дни этого Песаха,⁶ когда Хана Ровина⁷ по пути в Еврейскую бригаду заехала в Рим, ей стало известно от одной своей русской знакомой,⁸ что в этом городе живет теперь престарелый русский поэт, величайший знаток классической древней литературы Вячеслав Иванович Иванов. Вспомнила Ровина про старые его заслуги, когда он мужественно бросился в бой на защиту иврита и «Габимы» перед советскими властями во время памятного диспута.⁹ Вспомнила она и его замечательную, глубокую, полную тонких и ученых наблюдений лекцию о древнегреческом театре, которую он однажды прочел в Москве перед участниками «Габимы», вспомнила и решила встретиться с ним и передать ему привет и самые лучшие пожелания от его знакомых в стране.

Она нашла его в доме его сына,¹⁰ русского эмигранта, редактировавшего в столице Италии литературный журнал на французском языке. Поэт очень состарился; он был весь увенчан сединой, как человек лет девяноста. Он сидел за своим письменным столом, загроможденным книгами; на голове у него была черная шелковая шапочка, которая напомнила Ровиной высокую шелковую ермолку,

⁶ Песах — еврейский национальный религиозный праздник в память Исхода из Египта; приходится на весну (месяц нисан по еврейскому календарю соответствует, как правило, апрелю по гражданскому календарю).

⁷ Хана Ровина (1888–1980) — одна из основателей театра «Габима» в Москве в 1918 году и его ведущая актриса.

⁸ Т. е. О. И. Ресневич-Синьорелли. См. примеч. 5.

⁹ Речь идет о заседании Центротeatра 16 февраля 1920 года, на котором с яростной атакой на «Габиму» и вообще на древнееврейский язык и литературу выступил руководитель Евсекции С. М. Диманштейн, а в защиту — А. В. Луначарский и В. И. Иванов.

¹⁰ Речь идет о Дмитрии Вячеславовиче Иванове (1912–2003), сыне поэта. Во время Второй мировой войны участвовал в Сопротивлении. Вместе с Французским легионом прибыл в Рим, где был редактором газеты «La Patrie», издававшейся для Легиона.

которую носил ее покойный отец дома в Березине.¹¹ Поэт очень обрадовался этому неожиданному визиту и вспомнил обо всех ассоциациях, с ним связанными.

— А вся группа «Габимы» тоже здесь?

— Нет, только я. Приехала, чтобы навестить наших солдат.

— А как поживает вся «Габима»? Она еще продолжает существовать?

— А Вы еще помните нашу труппу?

— А как же! Конечно! Помню хорошо и все помню! Помню, как мы защищали вас перед лицом власти от евсекции. Покойный Луначарский¹² и я — мы боролись за ваше право говорить на иврите. Но мы были побеждены. Как раз ваши больше всего вас ругали, прямо с пеной у рта. А как они ругались! Я до сих пор помню их пафос, жестикуляцию — я представляю себе, что именно так обличали Иисуса перед римскими властями, — добавил он попутно. А мы в этой борьбе проиграли. И не наша в том вина.

— А на каком языке Вы собираетесь играть перед солдатами во время Ваших выступлений здесь?

— На том самом языке, который Вы называли «древнееврейским» в России, когда выступали в нашу защиту, и который теперь в стране стал живым языком иврит.

— Что значит «живым»?

— Живым в полном смысле — язык, на котором дети учатся разговаривать в детском саду, на котором говорят в городах и деревнях, язык, на котором учатся студенты в университете на горе Скопус,¹³ язык, на котором торгуются на рынке и на котором звучат любовные признания. На нем выходят книги, печатаются ежедневные газеты и играют на сцене театра.

— И, в самом деле, есть солдаты, которые понимают язык Библии?

— Ну, конечно, ведь они — ивритские¹⁴ солдаты, и большинство их — юноши из Эрец-Исраэль.

¹¹ Отец Ханы Ровиной был состоятельным купцом, принадлежавшим к направлению любавичских хасидов. Березин (совр. г. Березино в Белоруссии) — местечко на реке Березина.

¹² Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) — политический и государственный деятель: нарком просвещения (с 1917).

¹³ Университет на горе Скопус — Еврейский университет в Иерусалиме. Основан в 1925 году во время торжественной церемонии на горе Скопус в Иерусалиме, на самом высоком месте в городе. В 1945 году там проходили занятия всех существовавших тогда факультетов университета.

¹⁴ Употребление слова אִיבְרִימִי («иврим» — «ивритские») — знак времени, когда была написана эта заметка. Оно означает не только принадлежность к языку иврит, как в современном словоупотреблении, но, в более широком смысле, принадлежность к еврейскому населению Палестины. После установления Израиля слово «ивритский» в этом значении вышло из употребления.

Старый поэт верил и не верил. Он попросил гостью прочесть ему вслух что-нибудь из репертуара, который она исполняет перед аудиторией.

Ровина напомнила ему его собственную лекцию о древнегреческой мифологии и рассказала, что ей предстоит сыграть роль Федры в премьерной трагедии Расина; чтобы выполнить его просьбу она прочтет монолог Федры. Старец достал Расина по-французски и перевод Брюсова¹⁵ на русский язык. С большим чувством он прочел монолог по-французски и в переводе на русский и в полной сосредоточенности прослушал ивритский перевод Альтермана,¹⁶ который ему прочла Ровина.

Такт и скромность Ровиной не позволили мне получить полное впечатление, которое произвела на него ее игра. С другой стороны, она подробно рассказала о том огромном впечатлении, которое произвел на него сам язык и тот факт, что возрождение иврита уже достигло такого уровня, что стало возможным перевести на него столь сложное и прекрасное поэтическое произведение.

Рассказала ему Ровина, что перед солдатами ей предстоит прочесть и другие произведения, древние и новые и среди них — главу из Библии — 83 главу¹⁷ из Книги Псалмов.

Старец был полон восхищения. Теперь Ровина попросила его прочесть эту главу по-русски. И он прочел с большим чувством и выражением, подчеркивая смысл, стих за стихом. Затем он уселся в кресло и стал внимать, сосредоточившись и желая понять все, как Ровина те же строки читала в подлиннике:

„לך-לך ימוך לא! הוה לא“

«Элохим! Аль доми-лах...»¹⁸ — «Боже! Не премолчи — ибо вот, враги Твои шумят, и ненавидящие тебя подняли голову; — сказали „пойдем и истребим их из народов, чтобы не упоминалось более имя Израиля“ — исполни лица их бесчестьем — да постыдятся и смятутся во веки, да посрамятся и погибнут».

Взволнованный и преисполненный чувств сидел седой поэт. Стихи псалма направили беседу в новое русло: катастрофа Израиля¹⁹

¹⁵ 21 ноября 1921 года Московский Камерный театр под руководством А. Я. Таирова показал премьеру трагедии Ж. Расина «Федра». Для этой постановки В. Я. Брюсов выполнил новый перевод пьесы.

¹⁶ Натан Альтерман (1910–1970) — израильский поэт, драматург и переводчик. Его перевод «Федры» Расина считается образцовым и пользуется большой популярностью.

¹⁷ На иврите слово מִלִּימָה («техилим» — «псалмы») в единственном числе не существует. Для обозначения отдельного псалма употребляется выражение מִלִּימָה קָרָפּ («перек техилим» — «глава из книги Псалмов»; «перек» — «глава»).

¹⁸ Начальные слова этого псалма на иврите: «Боже! Не премолчи...»

¹⁹ Один из первых случаев употребления слова שוא «шоа» в значении «катастрофа европейского еврейства во время Второй мировой войны».

в наши дни и перспективы войны, грандиозный труд возрождения, предпринимаемый в стране, и его сложности.

Старец рассказал ей, что он знает страну и бывал там. Это было сорок лет, извините, сорок пять лет тому назад. Он был в Иерусалиме и Назарете и спустился к берегу «Мертвого моря».²⁰ Ему хорошо запомнилась мрачная пустыня, которая там простиралась.

Ровина рассказала ему о впечатлениях, которые она вынесла из посещения некоторое время тому назад «Бейт ха-Арава» на берегу «Мертвого моря» как раз в тех местах:²¹ о хозяйстве, построенных там, и о многообещающих планах по строительству комбината, о рыбах, которых разводят в прудах, о великолепных помидорах, выращиваемых около Мертвого моря, о парнях и девушках, чей благословенный труд воскрешает эти пустынные места.

— А что Вы думаете об арабах?

Пожалела Ровина, что ее познания в области политики ограничены, и что с ней не было человека, который мог бы с большим знанием и авторитетом ответить на этот вопрос. Впрочем, будучи одной из активных участниц возрождения страны, Ровина могла твердо обещать ему, что целью евреев никогда не было и не будет ничего такого, что могло бы причинить вред или притеснение арабам. Напротив, когда будут сняты все преграды и препоны,²² страна распространит свое благословение и на арабов, живущих там, и на весь ивритский народ, который соберется на своей родине. И, быть может, после страшной катастрофы, которую мы пережили, поймут, наконец, и наши далекие друзья, что настал час, когда и наш народ должен обрести свою родину.

Охваченный волнением, поэт простился со своей гостьей. Он попросил передать привет и самые лучшие пожелания всем его друзьям в стране и всем тем, кто трудится на ниве возрождения языка Израиля и его искусства. Он с особой теплотой вспомнил своего покойного товарища профессора Давида Шора и своего друга Иешошу Шора.²³ Он просил напомнить членам «Габимы», что в свое

²⁰ В. И. Иванов посетил Палестину в 1902 году. Стихотворение «Гора Кармил» — свидетельство этого посещения. Кавычки в названии «Мертвое море» употреблены в оригинале, поскольку обозначают русскую нomenclатуру этого географического названия. На иврите оно называется «Соленое море».

²¹ Кибуц «Бейт ха-Арава» («Дом Степи») был основан возле Иерихона у северной оконечности Мертвого моря выходцами из Центральной Европы и прославился успешными работами по освоению этой пустынной местности. В 1948 году был завоеван Иорданским легионом; его жители были переселены в Галилею в кибуц Кабри. После 1967 года на месте «Бейт ха-Арава» создано поселение с тем же названием, существующее и теперь.

²² В 1945 году англичане проводили политику официального запрета на въезд евреев в Палестину.

²³ О Д. С. Шоре и его сыне Е. Д. Шоре см. примеч. 3.

время он самоотверженно защищал право иврита на существование. И не его вина в том, что он потерпел в этом поражение. Мы боролись, но были побеждены!

Римская встреча Вяч. Иванова и Ханы Ровиной — яркий пример поистине невероятных перипетий, в которые попадали люди, особенно связанные с Россией, в те годы. Оба участника встречи были выбиты из своих первоначальных жизненных ниш ударами войн и революций. Это — то общее, что их объединяло, помимо, разумеется, тех совместных воспоминаний, о которых говорит поэт. Но к этой встрече они пришли с различных, несхожих экзистенциальных позиций, которые не могли не окрашивать их восприятие и реакцию на собеседника. Война должна была означать для них нечто совершенно разное. Каждый был затронут ею по-своему. Они принадлежали к разным поколениям и в годы становления «Габимы» стояли по разные стороны возрастного раздела: Ровина в 1920 году была еще совсем молодой женщиной, а Вяч. Иванов был, по всем тогдашним меркам, стариком. Теперь, в 1945 году, они уже принадлежали к одному поколению — тому, которое не могло активно участвовать в войне, к поколению «мирного населения».

Вяч. Иванов видел в войне лишь ужасы причиняемые мирному населению, еще одну страшную главу в истории падения человечества. В самом эмоциональном стихотворении «Римского дневника» (от 27 октября 1944 года), уже цитированном выше, он вспоминает об ужасах русской революции и братоубийства, ставших для него прообразами Второй мировой войны.

Для Ханы Ровиной война — нечто принципиально иное. Прежде всего, она не жила, как Вяч. Иванов, в стране, которая сначала была агрессором, инициатором войны, потом была оккупирована своими бывшими союзниками по агрессии, а потом занята теми, против кого она когда-то развязала войну. В Палестине мирное население участвовало в двух войнах — арабов против евреев и союзников против немцев и итальянцев. Но в Палестине, при всех тяготах войны и арабского террора, не было нацистской оккупации с ее геноцидом и истреблением мирного населения. Именно эту оккупацию имеет в виду Вяч. Иванов, когда вспоминает о захвате заложников и убийствах в римских катакомбах. Для поэта победоносные союзные войска — это, все-таки, не только освободители, но и завоеватели, а канонада и бомбежки — это те же ужасы войны, даже если исходят от освободителей.

Для Ровиной война предстает совершенно в ином обличье. У войны, есть, несомненно, возвышенная, справедливая сторона. Это — не просто звено в страданиях человеческого рода, но справедливое возмездие тем, кто напустил на людей эти страдания. Кроме того,

это — первая война, в которой евреи имели шанс воевать за себя, а не за других. Поэтому Ровина с таким пафосом читает Вяч. Иванову тот псалом, где на голову врагов еврейского народа призываются все самые страшные наказания: «אֲנֹכֵךְ יִהְיֶה רוּד־וְיֵעֵב וּדְמִשְׁנוּ» — «И истребятся в Эйн-Дор, станут навозом для земли».

И, конечно, как и пишет автор заметки в «Даваре», при встрече невозможно было умолчать об ужасах, выпавших на долю еврейского народа во время Второй мировой войны. Мы не знаем, однако, что именно было сказано на эту тему. Поэтому лишь отметим, что в «Римском дневнике» есть строки, относящиеся к еврейской катастрофе, хотя и не впрямую:

А мы не знаем про Вефиль;
Мы видим, что царюет Ирод,
О чадах сетует Рахиль,
И ров у ног пред каждым вырыт.

Так или иначе, 1945 год — это поистине роковой, страшный год как в истории еврейского народа, так и в истории Европы. По крайней мере, таким он должен был предстать в самом начале его современникам. Дело в том, что, несмотря на то, что в Палестине в ходе войны еврейское население и его руководство знало о Катастрофе, ее подлинные, апокалиптические масштабы открылись миру лишь в 1945 году с освобождением лагерей смерти и крахом Германии. Для евреев в Эрец-Исраэль это явилось страшным ударом, ибо нацистами были уничтожены их близкие люди: родители, братья, сестры, дети, те, кто должен был составить население еврейского государства.

1945 год принес и новые опасности: возможность коммунистической революции и нового террора на штыках Красной Армии. К тому же для многих европейцев приход союзников таил опасности, поскольку они не без основания могли опасаться справедливого возмездия за сотрудничество с немцами, в частности, и за соучастие в геноциде евреев.

Что касается Вяч. Иванова, то следует особенно подчеркнуть его тесную, а тогда уже и просто жизненную связь с Ватиканом, с католической церковью. Можно представить себе, насколько более сложными были бы условия жизни Вяч. Иванова, если бы не эта связь, обеспечивавшая ему, как до прихода союзников, так и после, минимум безопасности и средств существования. Но она, разумеется, помещала поэта и в определенные рамки, впрочем, самим им избранные. Продолжая линию своего довоенного поведения, Вяч. Иванов не поддерживал контакта ни с одним из двух лагерей русской эмиграции, возникших в 1945 году: одни с энтузиазмом поддерживали победивший в войне Советский Союз, другие опасались

коммунистического нашествия. Сама католическая церковь в этом вопросе была отнюдь не нейтральной. Ее отношение к Советскому Союзу и ко всем левым силам было резко отрицательным. А к ним она причисляла тогда и сионистское движение. Таким же было отношение к евреям Эрец-Исраэль и всему еврейскому движению и со стороны Англии, одной из стран-победительниц в войне. Именно 1945 год — время резкого ухудшения отношения Англии к еврейской Палестине, а также, может быть, наиболее тяжелый и критический период в истории Эрец-Исраэль.

Все эти исторические обстоятельства составляют фон для того незаконченного — с точки зрения Е. Д. Шора — продолжения этой истории, которое последует ниже. Мы помним, что встреча Ханы Ровиной и Вяч. Иванова в апреле 1945 года состоялась благодаря усилиям Ольги Ивановны Ресневич-Синьорелли. Нижеследующее письмо Е. Д. Шора Ольге Ресневич-Синьорелли было обнаружено нами в архиве семьи Шор в Национальной и Университетской Библиотеки Иерусалима²⁴:

Кирьят-Авода,²⁵ 28. 9. 46

Дорогая Ольга Ивановна,

Полтора года тому назад я получил через Анну Давыдовну Ровину привет от Вячеслава Ивановича, которого Ровина нашла в Риме, по-видимому, при Вашей помощи. Не раз делал я попытки снестись с Вами, но до сих пор не получил ответа ни от Вас, ни от В. Иванова, ни от Ольги Александровны.²⁶ Все это меня необычайно беспокоит и волнует. Хочу надеяться, что почтовые сношения с Италией теперь налажены, и что мое письмо попадет в Ваши руки. За скорый, хотя бы и краткий ответ буду Вам признателен от всей души.

Последнее, что слышал от Вас до войны, — была книга, написанная Вами о Дузе.²⁷ Книга, которую я много лет с нетерпением ждал, но так и не дождался, так как не знал,

²⁴ Благодарю Н. М. Сегал-Рудник, обратившую мое внимание на это письмо, которое будет опубликовано вместе с другими письмами Е. Д. Шора и О. И. Ресневич-Синьорелли.

²⁵ Кирьят-Авода — квартал в городе Холон (тогда — пригород Тель-Авива).

²⁶ Ольга Александровна Шор (псевд.: О. Дешарт; 1894–1978) — двоюродная сестра Е. Д. Шора, многолетний друг и сотрудница В. И. Иванова.

²⁷ Книга О. И. Синьорелли о Дузе вышла в Риме в 1938 году: *Resnevich-Signorelli O. La Duse*. Roma, 1938. Переведена, помимо прочего, на немецкий (1942), английский (1959) и русский (1979) языки.

в каком издательстве она вышла, и не успел выяснить это до войны. Сообщите, пожалуйста, где ее можно достать. — Но все это — хоть по существу своему вечное — стало прошлым после страшных лет войны. Нет сомнения, оно станет будущим. Но сейчас я хотел бы узнать от Вас о настоящем, о том, как Вы, Ваша семья, Ваши дети прожили это тяжелое время, и как строится Ваша дальнейшая жизнь. Что делает Мария?²⁸ Продолжает ли она свою художественную работу? В каком направлении двигается теперь? Где Вера и Елена?²⁹ И жив ли еще белый пес, который когда-то стащил со стола и съел мясо?

Как живет и работает Вячеслав Иванович? Я был глубоко тронут его приветом и необычайно сожалею, что всё еще не удается войти в личную переписку с ним. В связи с его 80-летним юбилеем я написал небольшую статью в журнале «Бама» (журнал, связанный с театром «Габима»). Быть может, ему будет интересно посмотреть, как выглядит его имя по древне-еврейски? — Что с Лидией Вячеславовной³⁰ и с Димой?³¹

И, конечно, что с Ольгой Александровной? Где она? Почему не пишет хотя бы по нашему старому адресу? Мысль о ней не переставала тревожить нас в течение всей войны; незадолго до смерти моего отца мы беседовали с ним об Олечке, вспоминали московскую жизнь до революции, после революции, во время нее, вспоминали встречи в Париже, и оба глубоко чувствовали, что она является неотъемлемым элементом внутреннего ландшафта нашего существования.

Лишь только получу от Вас ответ, с удовольствием напишу о нас всех. Об исторической обстановке нашей жизни Вам многое, верно, известно. Последние три года перед войной мы жили среди беспорядков, порою кровавых.³² Во время войны мы каждое лето ждали, что события захлестнут нас.³³ Теперь, после заключения мира, мы вошли снова в период «бурной жизни». Ко всему этому мы лично давно уже при-

²⁸ Мария — дочь О. И. Ресневич-Синьорелли. См. примеч. 5.

²⁹ Дочери О. И. Синьорелли, сестры Марии Синьорелли.

³⁰ Л. В. Иванова (1896–1985) — дочь В. И. Иванова, музыкант и композитор.

³¹ Д. В. Иванов — сын В. И. Иванова. См. выше примеч. 10.

³² Речь идет о восстаниях арабского населения Палестины, начиная с 1936 года, против английского управления Палестиной и против еврейского населения.

³³ Об угрозе немецкого вторжения из Северной Африки.

выкли. Вот уж более тридцати лет, с начала первой мировой войны, как мир представляется нам бурным океаном, который грозит захлестнуть все государства и все страны, и самая жизнь в этом мире кажется странным, несвоевременным и чудесным явлением. Но что бы то ни было, над всеми довлеет мрачная туча того откровения зла, которое совершилось в течение последних лет, и нет еще, кажется, такой прочной ткани мысли, которая могла бы выдержать напор этих событий и не разорваться под тяжестью их.

Милая Ольга Ивановна, наши встречи с Вами в Риме, наше пребывание в Риме, с которым в нашем сознании Вы так связаны, оставили в нас неизгладимое впечатление. Мы надеемся, что на нашу долю выпадет когда-нибудь посетить этот город (недаром же бросили мы сольди в Фонтана Треви) и повидаться с Вами и со всеми нашими друзьями. До тех же пор нам придется удовольствоваться перепиской: с нетерпением жду Вашего ответа и весточки от Ивановых и Ольги Александровны. Обнимите их всех, пожалуйста, от нас и примите наши самые сердечные приветы — Вам и Вашей семье.

Это письмо Е. Д. Шора осталось без ответа. О. И. Синьорелли ответила на него только спустя много лет, уже в пятидесятые годы. Ответ этот оставляет впечатление, что тогда, сразу после войны, корреспондентка Е. Д. Шора была занята другими делами и мыслями.

В письме Шора ощутимы и острое желание обрести старых друзей, и боязнь, что они, быть может, в чем-то переменялись под влиянием «страшных лет войны», потребность поделиться своими чувствами и переживаниями, надежда на возвращение прежней дружбы, но и готовность к возможному непониманию; наконец, — особенно по отношению к двоюродной сестре, О. А. Шор, — ощущение некоторой обиды. Очевидно, что Е. Д. Шор и Д. С. Шор переживали и волновались о судьбе О. А. Шор как еврейки в обстановке нацистских преследований. В том, что касается самой О. А. Шор, можно вполне представить себе, что эти ужасные переипетии войны могли еще более усилить в ней давнее отторжение от собственного еврейства («еврейка по крови, но русская по культуре» — так написала О. А. в графе «национальность» в анкете РАХН). Чувствуется, что Е. Д. Шор очень переживает по поводу того, что после приветов, полученных им от Вяч. Иванова через Ровину, никаких ответов на его попытки связаться с Вяч. Ивановым и О. А. Шор не последовало.

Об этом лучше всего свидетельствует письмо Е. Д. Шора В. И. Иванову, хранящееся в Римском архиве Вячеслава Иванова³⁴:

³⁴ Приношу глубокую благодарность А. Б. Шишкину за его любезное разрешение напечатать это письмо.

26. 10. 46

Дорогой Вячеслав Иванович,

Я не уверен, что Вы получили мои прежние письма, не уверен, получите ли это письмо. Позволю себе все же еще и еще раз от всей души поздравить Вас с наступившим в этом году Вашим восьмидесятилетием, пожелать Вам еще долгие годы работы и вдохновения и сказать Вам, что сознание, что Вы существуете в этом мире, делает этот мир достойнее, радостнее и светлее. С самого начала Вашего творческого пути Вы двигаетесь по таким недоступным вершинам духовного мира, что Вам, быть может, не видно, как бесконечно много Вы даете всем тем, кто, не имея сил вместе с Вами подняться на эти вершины, от Вас получает отсветы озаряющего их света. Ваше духовное водительство распространяется далеко за пределы тех кругов, которые сознательно или, может быть, даже официально признают Вас своим наставником. Ваши узрения и мысли спускаются по всей сложной иерархии человеческих душ и сознаний и настигают своим благодатным прикосновением порою даже тех, кто, не зная еще источника их, чувствует на себе их влияние, открывающее им новые сферы и новые миры. Кто может сосчитать, как много душ Вы разбудили от духовной дремоты, как много душ Вы направили по горным путям, как много душ Вы посвятили в таинства духовных узрений? В Ваших стихах и в Ваших книгах сокрыты большие духовные силы, действие которых будет становиться все более и более явным в веках.

Я был бы бесконечно рад получить от Вас несколько слов, узнать, как провели Вы эти тяжелые годы, что вышло из-под Вашего пера. За Вашу память обо мне — Ровина передала мне Ваш привет и Ваши добрые, загадочные слова — благодарю Вас от всего сердца. Быть может, судьба подарит мне еще раз свидание с Вами. Но до тех пор был бы я счастлив снова держать в руках Ваше письмо и читать Ваш ясный почерк.

В заключение — деловой вопрос. По инициативе Бубера³⁵ Институт имени Бялика³⁶ пригласил меня составить книгу

³⁵ Бубер Мартин (Мордехай) (1878–1965) — еврейский теолог, философ, социолог и общественный деятель. Жил в Германии, после прихода к власти нацистов поселился в Палестине.

³⁶ Институт имени Бялика (на иврите: «Моссад Бялик») — израильское издательство. Основано в 1935 году как издательский отдел Всеобщей Федерации Ивритских Трудящихся (Гистадрут). С самого своего основания «Моссад Бялик» выпускал книги по истории, философии, истории и актуальной политике, а также художественную литературу. В 1945–1948 годах был одним из основных издательств еврейской Палестины. Книга «Русские о России» издательством «Моссад Бялик» выпущена не была.

Д. М. Серад

«Русские о России». Книга эта в стадии рождения. Но уже сегодня я хотел бы получить от Вас разрешение включить в эту антологию русской мысли фрагменты из «Русской идеи» и из книги о Достоевском. Без этого такая книга была бы, конечно, незаконченной.

Шлю Вам, Лидии Вячеславовне и Диме Вячеславовичу наши самые сердечные приветы.

Было бы очень, очень хорошо, если бы они, в свою очередь, решились бы написать нам несколько строк.

Сердечно обнимаю Вас

Ваш Е. Шор.

В письме Е. Д. Шора можно между строк прочесть призыв к Вяч. Иванову взглянуть «поверх барьеров», воздвигнутых войной и ее последствиями, экзистенциальными, политическими и религиозными, вспомнить о всех тех, не-католиках, не-христианах, быть может, о людях свободного мировоззрения, которым в прошлом близко было творчество Вяч. Иванова. Но безуспешно...

Е. Д. Шор все же будет продолжать свои попытки восстановить контакт со своими римскими знакомыми, узнать об их судьбе. Так, в сентябре 1948 года, уже после провозглашения Государства Израиль и в самый разгар войны за независимость Е. Д. Шор писал своему старому итальянскому знакомому Марко Спаини (в ответ на присланные им брошюру и письмо):

Hatten Sie die Gelegenheit gehabt den großen russischen Dichter Vjatscheslaw Iwanow kennen zu lernen? Haben Sie in der letzten Zeit Frau O. Signorelli gesehen? Seit langer Zeit habe ich von V. Iwanow und von O. Signorelli keine Nachrichten gehabt, und würde mich sehr freuen, etwas von den beiden Persönlichkeiten und den beiden Familien zu hören.³⁷

Ответа на это обращение, по-видимому, не последовало. В июле 1949 года Вяч. Иванов скончался.

³⁷ «Имели ли Вы возможность познакомиться с великим русским поэтом Вячеславом Ивановым? Видели ли Вы в последнее время г-жу О. Синьорелли? Уже давно у меня не было никаких новостей об О. Синьорелли и В. Иванове, и мне бы доставило большую радость услышать что-нибудь об обеих этих личностях и их семьях» (Архив семьи Шор в Национальной и Университетской Библиотеке. Arc 4 o 1521. Папка 365).